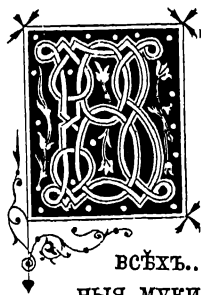

ПУШКИНЪ ВЪ ПОТОМСТВѢ.

Впечатлѣніе, произведенное смертью Пушкина на русское общество.—Бѣлинскій и его заблужденія.—Забвеніе поэта и вновь возбуждаемый интересъ къ изученію его.—Что сдѣлано для изученія его? Сборники біографическихъ матеріаловъ; біографіи; собранія писемъ.—Невыработанность текста сочиненій Пушкина.—Обзоръ изданій, такъ называемыхъ «лучшихъ». — Чего можно ожидать и желать отъ послѣдующихъ изданій Пушкина?— Существенная необходимость подробнаго комментарія къ Пушкинской поэзіи.

ВЪ ПЯТНИЦУ, 29-го января 1837 года, въ 2 ч. 45 м. по полудни—не стало Пушкина, не стало величайшаго изъ русскихъ поэтовъ! Трагическая развязка бурной поэтической жизни — неизбежный выводъ и прямое слѣдствіе того совершенно-ложнаго положенія, которое Пушкинъ создалъ себѣ въ петербургскомъ «свѣтѣ» — потрясла до глубины души всѣхъ... даже враговъ Пушкина; а его тяжкія предсмертныя муки и вѣсть о его смерти взволновали всѣ слои петербургскаго общества до такой степени, что правительство не на шутку было встревожено неожиданнымъ порывомъ и нашло себя вынужденнымъ принять свои мѣры предосторожности. Тѣло Пушкина, въ ночь съ 3-го на 4-е февраля, по особому распоряженію, было втихомолку вывезено изъ столицы и на почтовыхъ отправлено къ мѣсту его послѣдняго успокоенія (въ Святогорскій Успенскій монастырь, Опочецкаго у., Псковской губ.). Тогда еще не была перенесена къ намъ съ Запада программа торжественныхъ похоронныхъ шествій, устраиваемыхъ съ дозволенія начальства и тѣмъ не менѣе служащихъ будто-бы выраженіемъ народной любви и уваженія къ памяти почившаго... Тогда опасались дѣйствитель-

наго взрыва народнаго чувства, опасались искренняго плача толпы надъ гробомъ народнаго поэта, опасались того, что уваженіе къ памяти Пушкина выразится, пожалуй, въ такой формѣ, которая не могла быть допущена по современнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ власти къ обществу и его представителямъ. «Восторженные поклонники искусства,—говоритъ Бѣлинскій,—тѣмъ болѣе были поражены смертію поэта и тѣмъ болѣе скорбѣли о ней, что вскорѣ за тѣмъ появившіяся въ «Современникѣ» посмертныя сочиненія Пушкина изумили ихъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, своею творческою глубиною. Образъ Пушкина, украшенный страдальческою кончиною, предстоялъ предъ ними во всемъ блескѣ поэтической апопеезы: это былъ для нихъ не только великій поэтъ своего времени, но и великій поэтъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, геній европейскій, слава всемірная»...

Щедрыя царскія милости, обильно пролившіяся на семью Пушкина, и заботы императора Николая Павловича о тщательномъ посмертномъ изданіи сочиненій поэта, порученномъ Жуковскому, удовлетворили до нѣкоторой степени то чувство горести, которое было вызвано въ русскомъ обществѣ невознаградивою утратою. Посмертное изданіе Пушкина, довольно роскошное по внѣшности, но черезчуръ добросовѣстно очищенное *ad usum Delphini*, было расхватаано очень быстро... и затѣмъ энтузіазмъ къ памяти великаго поэта сталъ постепенно ослабѣвать... Уже въ 1844 году, Бѣлинскій имѣлъ право сказать, что «година безвременной смерти Пушкина, съ теченіемъ дней, отодвигается отъ настоящаго все далѣе и далѣе, и (всѣ) нечувствительно привыкають смотрѣть на поэтическое поприще Пушкина не какъ на прерванное, но какъ на оконченное вполне». И это отношеніе общества къ памяти Пушкина было очень тонко и очень вѣрно подмѣчено Бѣлинскимъ! Пушкинъ отходилъ въ прошедшее, Пушкина начали забывать—и кажется, что именно это отношеніе современниковъ къ памяти великаго поэта побудило Бѣлинскаго написать тотъ рядъ блестящихъ статей о Пушкинѣ, которыя и до сихъ поръ составляютъ лучшее изъ всего, что было Бѣлинскимъ написано.

Но Бѣлинскій жестоко ошибался, воображая себѣ, что «для Пушкина уже наступило потомство», что уже настало время «судить о немъ безпристрастно и спокойно». Вѣчно-юный и увлекающійся критикъ видѣлъ въ этомъ даже доказательство того, что «общество движется, идетъ впередъ чрезъ свой вѣчный процессъ обновленія поколѣній»... По счастью, ему не удалось дожить до того, что пришлось видѣть намъ, пережившимъ весь «процессъ обновленія поколѣній» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, не пришлось разочароваться въ своихъ литературныхъ и общественныхъ идеалахъ, не пришлось увидѣть «процесса обновленія» нашего литературнаго Олимпа, съ котораго были изгнаны всѣ старые боги, не исключая

Пушкина, и замѣнены новыми, болѣе угодными публикѣ кумирами!..

Въ сущности, Пушкина постигла та же участь, которой поочередно подвергались до него величайшіе литературные гении, не исключая Шекспира. Пушкинъ былъ забытъ, и даже очень скоро, хотя о Пушкинѣ продолжали много писать и печатать. Сначала его загородилъ собою Гоголь, потомъ цѣлая плеяда его молодыхъ послѣдователей и подражателей.. Пушкинымъ перестало интересоваться молодое поколѣніе; оно не только перестало восхищаться имъ и заучивать его наизусть, но и вообще его забросило, какъ поэта стараго и отжившаго. Правда, образованные русскіе люди, лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти Пушкина, еще ставили себѣ въ обязанность «знаніе Пушкина», но за то вся полуобразованность, все то громадное большинство, которое такъ или иначе соприкасается съ литературою и чтеніемъ, стали довольствоваться, по отношенію къ Пушкину, тѣми произведеніями, которыя печатались въ хрестоматіяхъ, или даже стали предпочитать личному знакомству съ сочиненіями Пушкина чтеніе критическихъ статей о немъ Бѣлинскаго. Что бы сказалъ бѣдный энтузіастъ-критикъ, если бы онъ могъ предвидѣть наступленіе такого періода въ отношеніяхъ русской публики къ Пушкину? Но на этомъ, какъ извѣстно, не остановился «процессъ обновленія поколѣній»: позднѣе дѣло дошло до полного отрицанія поэзіи Пушкина и до пресловутой теоріи, на основаніи которой сапожное мастерство было поставлено выше пушкинской поэзіи...

Но эпоха такъ называемаго «расцвѣта и возрожденія», эпоха полного отрицанія нашего прошлаго (и литературнаго, и историческаго) оказалась весьма непродолжительною. То заманчивое и блестящее мѣрѣво, къ которому такъ горячо стремились русскіе передовые дѣятели лѣтъ 25 тому назадъ, уже къ концу 60-хъ годовъ разлетѣлось, какъ дымъ... Идеалы, туманившіе головы молодого поколѣнія того времени, привели къ горькому, къ прискорбному разочарованію... Фантастическія теоріи, на основаніи которыхъ многіе, въ 60-хъ годахъ, твердо вѣрили въ возможность создать «новую Россію» и порвать всѣ связи съ «Россіею старой», столкнулись съ страшною практикою надвигающагося на насъ оскуднѣнія матеріальнаго и нравственнаго... И вотъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ уроковъ суроваго историческаго опыта, въ обществѣ сталъ совершаться тотъ поворотъ, подъ вліяніемъ котораго наше прошлое, еще недавно казавшееся какимъ-то страшнымъ кошмаромъ, стало представляться не только менѣе мрачнымъ, нежели переживаемая нами дѣйствительность, но даже и заманчивымъ, и во многихъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія. Періодъ огульнаго отрицанія и безшабашнаго глумленія замѣнился болѣе разумнымъ и болѣе плодотворнымъ періодомъ спокойнаго изученія и об-

сужденія. Этотъ поворотъ отразился, конечно, и въ литературѣ, въ которой новѣйшіе кумиры оказались не болѣе прочными, нежели всѣ остальные увлеченія 60-хъ годовъ: литературный Олимпъ, многочисленный и шумный въ началѣ періода 60-хъ годовъ, сталъ подъ конецъ его быстро рѣдѣть, и кругъ уцѣлѣвшихъ на немъ литературныхъ дѣятелей оказался на столько ограниченнымъ, что отъ плеяды писателей, явившихся у насъ въ царствованіе Александра II, пришлось невольно оглянуться на литературу временъ Александра I и Николая I, — и оглянуться съ полнымъ уваженіемъ. Въ литературѣ, какъ и во всей нашей общественной жизни, насталъ періодъ спокойнаго и безпристрастнаго изученія, періодъ правильной оцѣнки прошлаго. Какъ разъ съ наступленіемъ этого періода совпало открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ (въ іюнѣ 1880), собравшее въ первопрестольную столицу весь цвѣтъ нашей современной литературы и вновь возбудившее въ сильнѣйшей степени интересъ къ изученію біографіи и произведеній нашего поэта. Изученію этому въ значительной степени способствовало то, что эпоха Пушкина представляется намъ теперь не въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась людямъ сороковыхъ годовъ: мы способны правильнѣе и вѣрнѣе, нежели наши предшественники на поприщѣ литературной критики, оцѣнить Пушкина и какъ поэта, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка. Но прежде, нежели мы рѣшимся судить о Пушкинѣ на основаніи всѣхъ доселѣ извѣстныхъ данныхъ, намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано для изученія величайшаго изъ русскихъ поэтовъ втеченіе пятидесятилѣтія, истекшаго со дня его смерти.

Если мы даже мелькомъ взглянемъ на ту массу брошюръ, книгъ и журнальныхъ статей, которыя со времени смерти Пушкина были написаны о немъ и по поводу его личности и произведеній, то мы удивимся обилію и обширности этой «Пушкинской литературы». Извѣстный нашъ бібліографъ В. И. Межовъ недаромъ составилъ цѣлую книгу изъ однихъ заглавій этой спеціальной литературы, а императорскій Александровскій лицей собралъ даже и спеціальную Пушкинскую бібліотеку въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Пушкинскія преданія до сихъ поръ еще стойко держатся въ подростающемъ поколѣніи воспитанниковъ. Но, если мы отъ заглавій и заманчивой внѣшности этой Пушкинской литературы перейдемъ къ ея внутреннему содержанію, то мы должны будемъ прійти къ тому убѣжденію, что сдѣлано для изученія Пушкина далеко не такъ много, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Прежде всего, обратившись къ біографіи поэта, мы замѣтимъ, что, не смотря на массу уже обнародованныхъ и явившихся въ печати біографическихъ фактовъ, документальная сторона біографіи Пушкина все еще далеко не полна и представляетъ нѣсколько пробѣловъ весьма

существенныхъ. Многое еще не ясно для насъ и въ самой личности поэта, и въ его отношеніяхъ къ современному обществу; недостаточно изученъ и кружокъ людей, съ которыми Пушкинъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ въ послѣдніе годы своей жизни. Мало того, все извѣстное намъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ и общественномъ дѣятелѣ, страдаетъ такимъ эпизодизмомъ, что нѣкоторыхъ сторонъ жизни Пушкина почти нельзя касаться даже и въ настоящее время, пока не напечатана вся переписка его съ разными лицами, и пока она не напечатана въ строгой послѣдовательности, въ самомъ точномъ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякихъ пробѣловъ и пропусковъ и съ подробнѣйшимъ комментариемъ. Кто знакомъ съ обширнымъ кругомъ Пушкинской корреспонденціи (т. е. съ тѣмъ, что изъ нея до сихъ поръ было напечатано), легко можетъ себѣ представить, какъ мало еще сдѣлано для полнаго ознакомленія насъ съ драгоценнымъ запасомъ Пушкинскихъ писемъ! Не только многое извѣстное не напечатано, но даже и то, что напечатано, не собрано воедино и не проверено по подлинникамъ. Давно ли, напримѣръ, были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ высшей степени важныя для характеристики Пушкина письма его къ женѣ? Нѣкоторая попытка собрать письма Пушкина была, правда, сдѣлана въ VII т. сочиненій Пушкина въ изданіи Анскаго; но эта попытка никакъ не можетъ назваться удовлетворительно-выполненною, такъ какъ многія изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ писемъ и записочекъ не заслуживаютъ рѣшительно никакого вниманія, другія, весьма важныя, пропущены вовсе, третьи — приведены въ видѣ какихъ-то выдержекъ и отрывковъ, а всѣ французскія письма Пушкина (много писавшаго пофранцузски) напечатаны съ такою баснословною массою грубѣйшихъ опечатокъ, что въ нихъ, мѣстами, почти нельзя добраться смысла.

Были также попытки собрать въ одной книгѣ біографическіе факты, касающіеся жизни и общественной дѣятельности Пушкина. Самою крупною изъ такихъ попытокъ были матеріалы для біографіи Пушкина, собранные «Русскою Стариною» (см. 1879 и 1880 годы), и такъ называемый Пушкинскій альбомъ, изданный подъ редакцію Л. Поливанова «Обществомъ Любителей Россійской Словесности». Но какъ тотъ, такъ и другой изъ этихъ сборниковъ, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: тщательно собранные въ нихъ факты біографіи поэта нанизаны на какую-то нить, не связывающую ихъ никакою внутреннею связью. Къ тому же, первый изъ вышепомянутыхъ сборниковъ отличается еще замѣчательнымъ отсутствіемъ критическаго такта, вслѣдствіе чего въ немъ, рядомъ съ фактами положительными и важными, приводятся и такія розказни о Пушкинѣ, которыя не заслуживаютъ, сами по себѣ, никакого довѣрія.

Г. Анненковъ, въ первомъ томѣ своего изданія сочиненій Пушкина, собралъ, по возможности, «матеріалы» для біографіи поэта; но его сборникъ давно уже устарѣлъ и въ настоящее время не можетъ имѣть почти никакого значенія, не только по неполнотѣ своей фактической стороны, но и потому, что г. Анненковъ тщательно обходитъ всѣ наиболѣе живыя и рѣзкія черты, въ которыхъ особенно ярко проявлялся характеръ Пушкина, тщательно смягчаетъ и сглаживаетъ всѣ шероховатости Пушкинскаго типа и болѣе занимается поэтической жизнью его, нежели подробностями

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 12—14 лѣтъ.
Съ портрета, приложеннаго къ „Кавказскому Пльнику“ 1822 г.

біографическими. По книгѣ г. Анненкова можно еще, до нѣкоторой степени, ознакомиться съ исторіею развитія Пушкинскаго таланта, но за то ужъ никакъ нельзя выяснитъ передъ собою живой и реальный образъ Пушкина-человѣка и Пушкина общественнаго дѣятеля. Всѣ остальные опыты біографій Пушкина, изданные съ извѣстною, болѣе или менѣе опредѣленною или спеціальною цѣлью, не заслуживаютъ никакого вниманія и не только не имѣютъ за собою научнаго значенія, но еще и отличаются, въ большей части, довольно наивною подтасовкою фактовъ, ради того, чтобы непременно выставить Пушкина въ какомъ-то особенно па-

радномъ видѣ, чтобы придать ему какія-то бѣлыя крылья, которыхъ у него никогда не было, и которыя, конечно, вовсе не нужны для его возвеличенія.

Поэтическая жизнь Пушкина — если мы ее себѣ представимъ, какъ нѣчто отдѣльное, какъ душу безъ тѣла—гораздо болѣе разъяснена и разработана, нежели всѣ другія стороны его жизни и дѣятельности. Пушкинъ-поэтъ и художникъ гораздо болѣе ясенъ для насъ, нежели Пушкинъ-человѣкъ и гражданинъ, потому что лучшимъ поясненіемъ перваго типа служить вся безсмертная лѣтопись его дивныхъ произведеній; а каждое изъ нихъ носить на себѣ такой живой отпечатокъ личности и до такой степени согрѣто огнемъ, неугасимо горѣвшимъ въ душѣ гениальнаго поэта, что, ознакомившись со всѣмъ кругомъ произведеній Пушкина, мы получаемъ совершенно ясное представленіе не только о самомъ поэтѣ, но и обо всѣхъ послѣдовательныхъ періодахъ развитія его творческой силы... Важною помѣхою въ ближайшемъ изученіи произведеній Пушкина является, однако же, недостатокъ въ хорошихъ изданіяхъ, съ строго-выработаннымъ и вполне установленнымъ текстомъ. Странно сказать, что послѣ 8—9 изданій Пушкина, распроданныхъ послѣ его смерти, работа надъ окончательною установкою текста произведеній Пушкина только еще начинается, или, лучше сказать, только еще должна начаться. Не слѣдуетъ забывать, что, до сихъ поръ, только посмертное изданіе Пушкина, редактированное Жуковскимъ, и такъ называемое «Анненковское» изданіе были сдѣланы «по рукописямъ». Каково было первое изданіе, нетрудно заключить по отзыву Бѣлинскаго (VIII, 88), который говоритъ:

«Всѣмъ извѣстно, что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы послѣ смерти его весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ—и типографскомъ (плохая бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а кое-гдѣ и искаженный смыслъ стиховъ), и редакціонномъ (пѣсы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по родамъ, изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чѣмъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи — это его неполнота: пропущены пѣсы, помѣщенные самимъ авторомъ въ четырехъ томахъ собранія его сочиненій, не говоря уже о пьесахъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и при жизни, и послѣ смерти Пушкина».

Второе изданіе «по рукописямъ», сдѣланное извѣстнымъ нашимъ критикомъ и эссеистомъ П. В. Анненковымъ, заключаетъ въ себѣ менѣе пропусковъ, нежели первое, такъ строго осужденное Бѣлинскимъ, и очень долгое время считалось въ такой степени классическимъ, что одинъ выпускъ его въ свѣтъ прославилъ имя издателя и сдѣлалъ его извѣстнымъ. Но прекрасныя работы г. Якушкина надъ «черновыми тетрадами» и рукописями

Пушкина въ Румянцевскомъ музеѣ¹⁾ заставили измѣнить взглядъ знатоковъ дѣла на достоинство изданія Анненкова и значительно уронили его цѣну. Г. Якушкинъ, тщательно сличая всѣ отдѣльныя редакціи произведеній Пушкина (въ различныхъ, и притомъ лучшихъ изданіяхъ), доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что классическое изданіе Анненкова грѣшитъ не только небрежностью отношенія къ рукописной основѣ подлинника и къ вариантамъ черновыхъ тетрадей, но и произвольностью въ пользованіи текстомъ рукописей Пушкина²⁾. Превосходная разработка рукописей Пушкина, произведенная, въ видѣ опыта, г. Якушкинымъ, показала, что для дальнѣйшихъ изданій поэта выработку текста отдѣльныхъ піесъ придется начинать сначала, поставивъ самымъ положительнымъ образомъ крестъ на всѣхъ печатныхъ редакціяхъ Пушкинскихъ сочиненій, не исключая и «классическаго» изданія Анненкова.

Что же, послѣ этого, сказать объ остальныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина? Чего ожидать отъ нихъ? Извѣстно, что право изданія сочиненій Пушкина, послѣ того, какъ посмертное изданіе было раскуплено, перешло отъ наслѣдниковъ поэта къ книгопродавцу-издателю Я. А. Исакову. Право изданія, но не рукописи Пушкина... И вотъ начался рядъ изданій Пушкина, такъ называемыхъ «Исаковскихъ», въ которыхъ гостинодворецъ-собственникъ старался прикрыть выгодную книжную спекуляцію эгидою громкихъ бібліографическихъ именъ, предоставляя редакціи сочиненій Пушкина то вѣдѣнію покойнаго Геннади, то Л. Н. Майкова, то П. А. Ефремова. Ни одно изъ этихъ изданій не было свѣрено съ рукописями, которыя только разъ вскрылись для г. Анненкова, и затѣмъ для всѣхъ послѣдующихъ редакцій Пушкинской музы оставались недоступною сокровищницею. За то редакторы, стараясь добросовѣстно выполнить ввѣренную имъ задачу, усердно «выработывали» печатный текстъ произведеній Пушкина по печатнымъ же изводамъ ихъ, помѣщеннымъ въ различныхъ альманахахъ и журналахъ при жизни Пушкина, и этотъ бібліографическій комментарий пригла-

¹⁾ В. Е. Якушкинъ подробно рассмотрѣлъ рукописи Пушкина въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», 1884 года, съ февраля по декабрь.

²⁾ Исторія рукописей Пушкина поучительна во многихъ отношеніяхъ. До Пушкинскаго праздника, рукописи поэта были просмотрѣны только двумя лицами: Жуковскомъ, по Высочайшему соизволенію, и П. В. Анненковымъ, по разрѣшенію наслѣдниковъ Пушкина. Затѣмъ, старшій сынъ Пушкина, во время московскихъ празднествъ, принесъ драгоцѣнныя рукописи поэта въ даръ Румянцевскому музею. Но издатель «Русскаго Архива» П. И. Бартеньевъ счумѣлъ заручиться отъ сына поэта такого рода бумажкой, на основаніи которой втеченіе полутора года никто, кромѣ него, не имѣлъ права пользоваться рукописями Пушкина и дѣлать изъ нихъ извлеченія. Въ настоящее время онѣ доступны для всѣхъ.

шенных г. Исаковымъ редакторовъ немало способствовали порчѣ текста Пушкина. Рядъ Исаковскихъ изданій закончился московскимъ изданіемъ г. Анскаго (приказчика покойнаго книгопродавца Ѳ. И. Салаева), къ которому право издательской собственности перешло по смерти Я. А. Исакова. Этотъ московскій книжный фабрикатъ (мы не можемъ придумать иного названія!), вышедшій въ свѣтъ также подъ редакцію почтеннаго П. А. Ефремова, представляетъ собою несомнѣнно худшее изъ всѣхъ изданій Пушкина, потому что ко всѣмъ остальнымъ недостаткамъ предшествующихъ изданій здѣсь прибавились еще тысячи грубѣйшихъ опечатокъ, мѣстами совершенно обезличивающихъ оригинальный текстъ Пушкина, и безъ того уже нѣсколько поколебленный излишнею кропотливостью редактора и совершенно искусственнымъ хронологическимъ расположеніемъ отдѣльныхъ пьесъ.

Что г. Ефремовъ не подвинулъ ни на шагъ впередъ разработки Пушкинскаго текста, это совершенно ясно указывается его же собственнымъ предисловіемъ, въ которомъ онъ, на стр. V, говорить:

«Въ настоящемъ изданіи мы старались собрать все, до сихъ поръ напечатанное у насъ съ именемъ Пушкина, и тщательно провѣрить текстъ каждаго произведенія въ стихахъ и прозѣ, освободивъ его съ одной стороны отъ постороннихъ прибавокъ и ошибокъ, а съ другой пополнивъ тѣмъ, что было исключено или измѣнено помимо воли автора или даже имъ самимъ, но по какимъ нибудь особымъ, временнымъ причинамъ, теперь уже не существующимъ. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ поэта, которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова и т. д.»

Эта послѣдняя фраза служить прямымъ опроверженіемъ ко всему, что было сказано г. Ефремовымъ выше. Спрашивается: какъ могъ онъ провѣрять текстъ Пушкина, когда ему не были доступны драгоценныя рукописи поэта? Какъ могъ онъ освобождать печатный текстъ отъ прибавокъ и ошибокъ, когда у него подъ руками не было основнаго текста — первоначальнаго рукописнаго подлинника? Провѣрка текста, при такихъ условіяхъ, сводилась къ простому сличенію «книги въ большую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку» и представляла собою довольно бесполезную Сиффонову работу....

Не выдерживаетъ критики и тотъ педантически-хронологическій порядокъ расположенія произведеній Пушкина, которому г. Ефремовъ придаетъ особенное значеніе. Вотъ что говорить онъ по этому поводу:

«Порядокъ распредѣленія стиховъ и прозы принять нами единственно-возможный для каждаго изданія, претендующаго быть хорошимъ, именно хронологическій»... Затѣмъ, укоряя г. Анненкова за то, что онъ располагаетъ отдѣльныя пьесы Пушкина от-

части по годамъ, а отчасти и по родамъ, г. Ефремовъ прибавляетъ: «Мы, напротивъ, старались и въ каждомъ годѣ опредѣлить время, въ которомъ написана каждая пьеса. Для этого намъ служили указаніемъ... переписка (Пушкина) и статьи о Пушкинѣ, а если точныхъ данныхъ не встрѣчалось, то мы размѣщали стихи по времени ихъ напечатанія, напримѣръ, пьесу, помѣщенную въ первыхъ нумерахъ какого-нибудь журнала извѣст-

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кипренскимъ.

наго года, мы печатали прежде помѣщенной въ слѣдующихъ затѣмъ нумерахъ, на что въ изданіи Анненкова не было обращено вниманія и т. д.»

Не нужно быть большимъ знатокомъ издательскаго дѣла для того, чтобы понять всю ложность такого приѣма для хронологическаго распредѣленія Пушкинскихъ пьесъ не только по годамъ, но даже по отдѣльнымъ мѣсяцамъ cadaго года. Основою для хронологіи Пушкинскихъ произведеній могутъ служить только

лично имъ выставленныя подъ стихотвореніями обозначенія времени и, конечно, его черновые подлинники стихотвореній; затѣмъ, до нѣкоторой степени, указанія, сдѣланныя Пушкинымъ въ его перепискѣ съ друзьями и издателями его произведеній. Но основною хронологическаго распредѣленія пьесъ Пушкина никакъ не могутъ служить ни статьи о Пушкинѣ, ни время напечатанія произведеній въ томъ или другомъ журналѣ. Распредѣленіе по этимъ даннымъ можетъ только ввести въ заблужденіе, и это доказать нетрудно. Припомнимъ, для этой цѣли, обычай Пушкина, посылать изъ деревни «все написанное» одному изъ своихъ пріятелей (князю Вяземскому, Дельвигу или Плетневу) и держать, такимъ образомъ, свои произведенія какъ бы въ запасѣ у нихъ. Если кто-нибудь изъ журналистовъ обращался къ Пушкину съ просьбою о доставленіи въ журналъ стихотворенія, Пушкинъ (если благоволилъ къ журналисту) прямо указывалъ ему на запасъ своихъ стиховъ въ рукахъ того или другаго изъ пріятелей и уполномочивалъ журналиста къ полученію той или другой пьесы, одной или нѣсколькихъ. Такъ какъ трудно предположить, чтобы хранитель стиховъ Пушкина выдавалъ ихъ журналисту непременно въ хронологическомъ порядкѣ, то появленіе того или другаго стихотворенія въ книжкѣ журнала никогда не могло и не можетъ служить хронологическимъ указаніемъ: пьеса, написанная за годъ до появленія въ печати, легко могла явиться позже той, которая была написана мѣсяцъ тому назадъ! Заимствуемъ другой, еще болѣе рѣзкій примѣръ изъ переписки Пушкина. Осень 1830 года, проведенная поэтомъ въ Болдинѣ, была, по его собственному выраженію, «дѣтородна», и, въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Дельвигу, Пушкинъ общается ему, что пѣсни трубадуровъ (въ «Литературной Газетѣ») «не умолкнутъ круглый годъ». Далѣе онъ извѣщаетъ его о томъ богатомъ запасѣ произведеній, который вывезенъ имъ изъ Болдина въ Москву:

«Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, со всѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того, я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою весьма секретное! — пять повѣстей (повѣсти Бѣлкина)». Предположимъ, что это письмо Пушкина не дошло бы до насъ, и Дельвигъ, получивъ весь этотъ запасъ произведеній, растянулъ бы его печатаніе въ своей «Литературной Газетѣ» на два или даже на три года... Желательно было бы знать, какъ бы могло «время напечатанія» служить указаніемъ для хронологическаго распредѣленія этихъ пьесъ по годамъ или мѣсяцамъ въ каждомъ отдѣльномъ году?!

Крупнымъ и немаловажнымъ недостаткомъ изданія, напечатаннаго подъ редакціею г. Ефремова, служитъ еще и то, что онъ об-

рацаетъ нерѣдко страницы произведеній Пушкина въ поприще для ожесточенной и желчной полемики съ тѣми литературными и общественными дѣятелями, которые имѣли несчастье ему неугодить или не понравиться... До какой крайности почтенный г. Ефремовъ доходить въ этой полемикѣ, можно видѣть по одному изъ его примѣчаній (VI т., стр. 483) къ «Исторіи Пугачевского бунта», прибавленному специально для того, чтобы уколоть одного изъ такихъ дѣятелей, которыми Россія по справедливости можетъ гордиться. Приводимъ это курьёзное примѣчаніе цѣликомъ:

«Д. А. Ровинскій, въ своемъ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ», неправильно указываетъ портретъ № 3-й (безърукъ), тогда какъ при ней (?) находится описанный въ словарѣ подъ № 5. Также неправильно и указаніе Ровинскаго подъ № 17, будто бы снимокъ съ печати Пугачева (а не съ медали, какъ пишетъ г. Ровинскій) приложенъ только къ нѣкоторымъ экземплярамъ; онъ находится во всѣхъ экземплярахъ, но вырѣзывается легкомысленными (sic!) собирателями портретовъ, не останавливающимися передъ порчею книгъ, ибо книги имъ не нужны, онѣ библейскій бисеръ». Спрашиваемъ, какое отношеніе къ редактированію текста Пушкина можетъ имѣть это бранчивое и придирчивое примѣчаніе и заключающіеся въ немъ совсѣмъ неостроумные намеки?

Но довольно объ изданіяхъ Пушкина вообще и въ частности объ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ подъ редакцію г. Ефремова. Мы остановились на вопросѣ объ изданіяхъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы дать понятіе о крайней недостаточности всего, сдѣланнаго для выработки Пушкинскаго текста. Ясно, что будущіе серьезныя издатели Пушкина должны будутъ положить въ основу не печатные изводы произведеній поэта, а его черновыя тетради, драгоцѣнныя во многихъ отношеніяхъ. По этимъ-то черновымъ тетрадямъ прійдется возстановить оригинальные тексты произведеній Пушкина и дать въ примѣчаніяхъ варианты изданій, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни поэта. Эта нелегкая работа должна быть выполнена именно теперь, когда сочиненія Пушкина становятся наконецъ общимъ достояніемъ всѣхъ русскихъ людей, и когда рыночная спекуляція собирается запрудить Россію десятками бессмысленнѣйшихъ перепечатокъ Пушкина, въ лицѣ такихъ знатоковъ и мастеровъ издательскаго дѣла какъ гг. Окрейцы, Павленковы, Манухины и т. п. Мы льстимъ себя надеждою на то, что полное собраніе сочиненій Пушкина, предпринятое литературнымъ фондомъ, будетъ выполнено именно на вышеуказанномъ основаніи, то-есть съ провѣркою печатнаго текста «по рукописямъ»; пора дать въ руки всѣмъ почитателямъ памяти великаго русскаго поэта настоящій, нормальный, классическій текстъ его произведеній.

Въ дополненіе къ тому, что сказано было нами о недостаткахъ существующихъ изданій Пушкина, необходимо добавить еще два слова о томъ, чего слѣдуетъ желать и ожидать отъ послѣдующихъ изданій Пушкина.

Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ статей, въ отвѣтъ на толки разныхъ критиковъ, отрицавшихъ самое существованіе русской литературы, высказалъ очень вѣрную и очень оригинальную мысль: «что у насъ есть литература, для этого достаточно знать, что у насъ есть Пушкинъ»... Дѣйствительно, Пушкинъ, при всей своей гениальности, былъ прямымъ потомкомъ всего предшествовавшаго ему періода нашей литературы и дивнымъ представителемъ современной ему литературы европейской; съ другой стороны, именно благодаря своей гениальности, Пушкинъ надолго положилъ печать своего гениа на весь послѣдующій періодъ нашей поэзіи. И можно, дѣйствительно, сказать, что знающій Пушкина знаетъ уже, до извѣстной степени, всю русскую литературу, ибо знаетъ то, что есть лучшаго въ нашей поэзіи! Вотъ именно этому-то знанію, этому-то изученію и должны главнымъ образомъ способствовать дальнѣйшія хорошія изданія Пушкина.

Задаваясь этимъ требованіемъ, мы желали бы непременно видѣть въ будущихъ изданіяхъ нашего поэта подробный комментарий и краткую, но толково и правдиво написанную біографію его, въ результатъ которой являлась бы возможно-вѣрная и вполне опредѣленная характеристика Пушкина, какъ поэта, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля.

Мы употребляемъ именно слово комментарий, въ самомъ обширномъ значеніи этого термина, потому что, на нашъ взглядъ, Пушкинъ нуждается не въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ, а въ полномъ и подробномъ комментарий, въ составъ котораго входили бы и поясненія его намековъ на личную его жизнь и на отношенія къ современникамъ, и толкованія массы миеологическихъ, историческихъ, литературныхъ и научныхъ именъ и терминовъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ, и, наконецъ, поясненія многихъ оборотовъ и выраженій, свойственныхъ собственно Пушкинскому языку и (странно сказать!) уже не вполне понятныхъ современному поколѣнію русской молодежи.

Для уясненія нашей мысли, возьмемъ первую главу Онѣгина и первую пѣснь Руслана и Людмилы, и въ нихъ укажемъ на ту массу словъ и отдѣльныхъ выраженій, которыя требуютъ поясненія для того, чтобы чтеніе Пушкина могло быть вполне разумнымъ и пониманіе его вполне сознательнымъ.

Начнемъ съ первой главы Онѣгина и предположимъ, что «средній» читатель Пушкина болѣе или менѣе образованъ, имѣетъ аттестатъ зрѣлости, и потому знакомъ съ именами — Ювенала, Гомера, Теоокрита, Назона, Ромула, — съ миеологическимъ зна-

ченіемъ Зевса, Венеры, Діаны, Терпсихоры, Эола, Флоры, Фортуны, Аполлона, Музы, Нимфъ, — съ литературными терминами, въ родѣ: ямба и хорея, эпитафя и эпитагмы, пѣнта и сатиры... Но за этими именами и терминами въ одной только первой главѣ Евгенія Онягина стоятъ еще слѣдующія собственные имена: Адамъ Смитъ, Фобласъ, Федра, Клеопатра, Моина, Семенова, Дидло, Истомина, Катенинъ, Корнель, Гриммъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Сей, Бентамъ, Торквато, Пе-

Портретъ Пушкина, рисованный Элеонорою Жуковской съ маски, снятой съ него послѣ кончины.

трарка, Брента, Салгиръ? А за этими именами слѣдуетъ цѣлый рядъ выражений, терминовъ и эпитетовъ исключительно Пушкинскаго языка, изъ которыхъ многіе едва-ли могутъ быть понятны теперь. Что значать, напримѣръ: широкій Боливаръ, недремлющій брегетъ, (страсбургскій) пирогъ нетлѣнный, живой сыръ (лимбургскій), злой законодатель театра, почетный гражданинъ кулисъ, щепетильный Лондонъ, веселое стекло водъ, младыя Армиды, модныя жены (въ смыслѣ: свѣтскихъ дамъ), счастливое стремя, душой исполненный полетъ, глубокой экономъ (вмѣсто экономистъ), простой продуктъ (вмѣсто сырой) и т. д.

Возможно-ли, наконецъ, оставить безъ объясненія такіе литературные намеки, какъ: Фонъ-Визинъ, другъ свободы, переимчивый Княжнинъ, величавый геній Корнеля, колкій Шашовской, Байронъ—гордости поэтъ? Возможно ли оставить безъ комментарія такіе авто-біографическіе намеки, какъ

Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ Сѣверъ для меня.

Или:

Давно-ль для васъ (для нѣжекъ) я забывалъ
И край отцовъ, и заточенье?

Или:

Стоитъ задумчиво Евгений,
Какъ описалъ себя пѣтъ...

И далѣе: «Прійдетъ ли часъ моей свободы? — подъ небомъ Африки моей?» Или еще:

Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ.

И это все только въ одной главѣ одной поэмы Пушкина! Если же мы заглянемъ въ другія, преимущественно юношескія произведенія Пушкина, тамъ явится необходимость даже въ простомъ истолкованіи оборотовъ языка, въ которомъ многое для нашего времени уже непонятно, неясно и требуетъ поясненія. Припомнимъ, на примѣръ, изъ Руслана и Людмилы такія выраженія, какъ нѣмой мракъ, дремлющіе своды, безжалостныя двери, судьбы наперсникъ непонятный, немирные челноки, празднаыя кольчуги, мертвыя кости и т. д.—и мы прійдемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что комментарий къ Пушкину необходимъ. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ еще и такой фактъ: одинъ изъ нашихъ словесниковъ, ревизовавшій въ 1867 году преподаваніе русскаго языка въ одесскихъ гимназіяхъ, былъ крайне изумленъ тѣмъ, что ни одинъ изъ учениковъ VII класса не могъ объяснить ему извѣстный стихъ Пушкина, въ описаніи Полтавскаго боя —

«Браздами, саблями звуча»...

Слово brazды ставило всѣхъ въ тупикъ, а одинъ изъ учениковъ старался даже объяснить этотъ стихъ Пушкина другимъ извѣстнымъ стихомъ его же:

Бразды пушистыя взрывая,
Несется тройка удалая.

Кажется, фактъ достаточно разителенъ, чтобы убѣдить будущихъ издателей Пушкина въ необходимости оказать современному читателю поэта посильную помощь въ пониманіи красотъ Пушкинской поэзіи?

Самымъ важнымъ комментариемъ къ сочиненіямъ Пушкина должна, однако же, быть біографія поэта, основанная на глубокомъ изученіи всѣхъ источниковъ, доселѣ извѣстныхъ, и притомъ на изученіи вполне безпристрастномъ. Не слѣдуетъ забывать біографу Пушкина, что это великое имя уже давно принадлежитъ исторіи, подлежить ея нелицепріятному суду, и потому именно не нуждается ни въ какихъ подкрашиваньяхъ, ни въ какихъ смягченіяхъ. Біографъ долженъ очертить намъ Пушкина тѣми живыми, яркими, рѣзкими и нѣсколько жесткими, неровными чертами, въ какихъ поэтъ дѣйствительно проявлялся въ жизни и въ современной ему литературѣ. Вообще, вставить типъ и характеръ Пушкина въ какую бы то ни было строго-опредѣленную рамку также трудно, какъ судить о проявленіяхъ его кипучей, страстной природы на основаніи морали, выработанной суровымъ пуританизмомъ... А потому-то и необходимо рисовать Пушкина такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, по своей природѣ, со всѣми его достоинствами и недостатками, со всѣми причудами и предрасудками. Зачѣмъ скрывать несимпатичныя стороны характера Пушкина и выставять на видъ только свѣтлыя и привлекательныя? Онъ не нуждается въ нашихъ панегирикахъ, оправданіяхъ и снисхожденіи...

П. Полевой.

